

Содержание

Вступление

9

Моя родословная

11

Ранние годы

53

Прощай, Deutschland. Здравствуй, Россия

145

Сэ, Хэ, Ша!

183

Дурдом

223

Пёсья мудрость спасает меня от ада

289

Звук и линия таят в себе многое

427

Шестидесятые: круг Шемякина

539

Всё рушится

651

Послесловие

705

Волчье племя

713

Благодарности

717

То, что меня не убивает, делает меня сильнее.

Фридрих Ницше

*Страдание обостряет талант... Однако,
избыток страдания ни к чему, потому что
тогда оно убивает.*

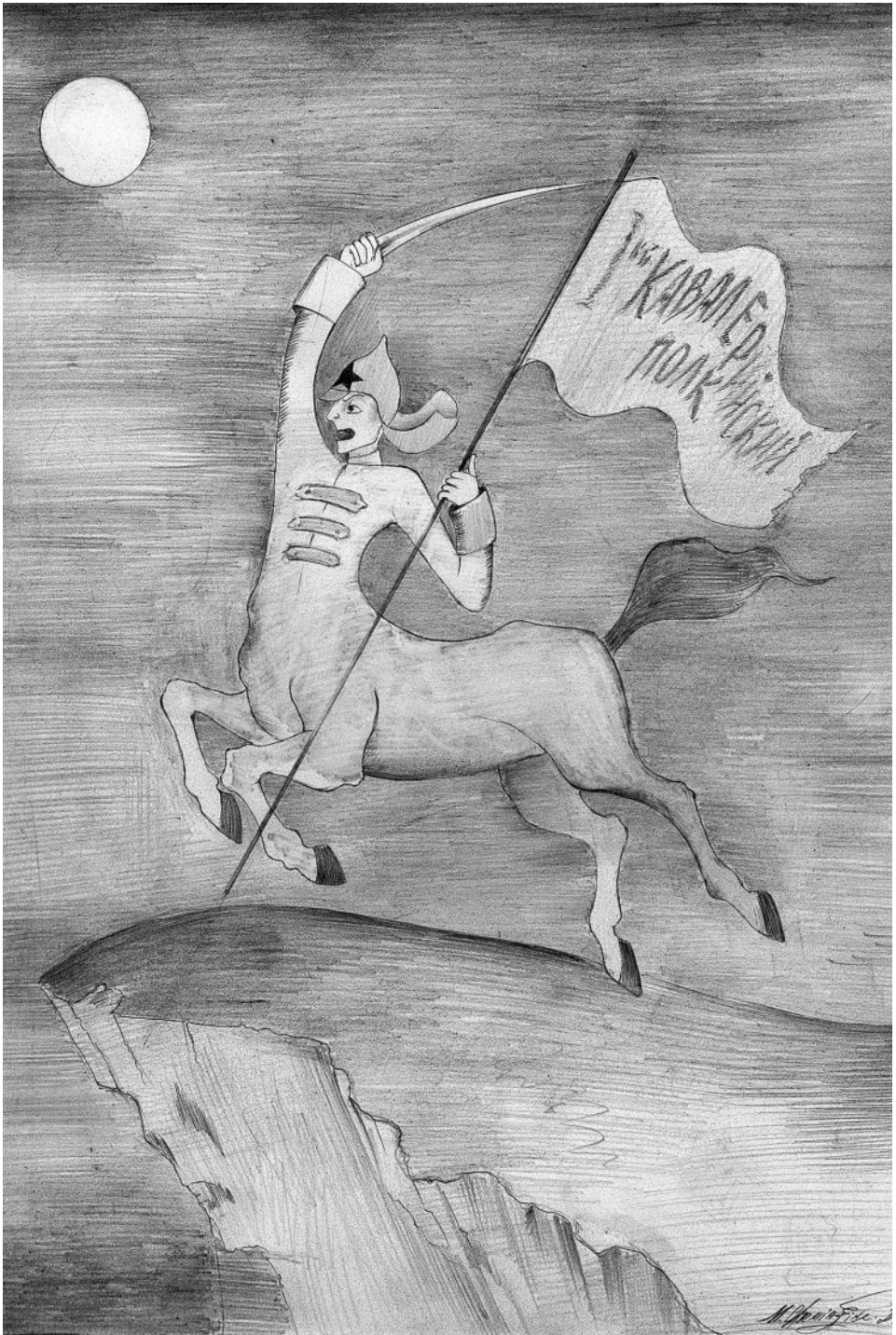
Поль Гоген

Вступление

Моя автобиография — это записки человека, благодарного своей Судьбе, сложному, тревожному, опасному и — несмотря ни на что — прекрасному времени; не совсем обычным родителям, удивительным людям, с которыми довелось встретиться, а ещё невзгодам, тычкам, ударам, падениям и лишениям. Всё это обострило моё восприятие, закалило душу и воспитало характер бойца, солдата и человека, навсегда преданного избранному делу, приучило вниманию к людям, умению оценить их достоинства и смириться с недостатками.

Читатель не раз столкнётся на страницах этой книги с довольно сложными, малоприятными характерами, с безумными и даже жестокими выходками, с на первый взгляд безвыходными ситуациями. Я должен был пережить их — и возникает вопрос: а чем же тогда так прекрасно это время? Что такого в нём расчудесного, если речь идёт по большей части о нелёгких испытаниях? Я постараюсь ответить.

Моя родословная

Отец

*Спасибо вам, святители,
Что плюнули да дунули,
Что вдруг мои родители
Зачать меня задумали.*

Владимир Высоцкий

В мире немало людей, отрицающих свою связь с родителями и их влияние на характер и судьбу. Но если внимательно всмотреться в себя, проанализировать поступки, привязанности, взгляды, то мы, несомненно, обнаружим огромную связь, то, что передаётся по наследству — как плохое, так и хорошее. И я не раз размышлял о своих родителях и находил в себе множество их черт, вплоть до образа мыслей.

Мой отец — сирота, беспризорник, сын полка, бравый рубака в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, кавалер восьми орденов Красного Знамени, офицер, окончивший Военную академию имени Фрунзе и академию Генерального штаба, и — одновременно — дебошир, не признающий ни чинов, ни званий, в пьяном виде гоняющийся с кинжалом за ошалелым от ужаса сынишкой, стреляющий в любимую и терзаемую им красавицу жену. Чуждый карьеризму и денежной наживе, он, по сути, сломал свою военную карьеру, когда, повинуясь долгу чести, встал на сторону опального маршала Жукова. Я надеюсь, что смогу объяснить, почему бесконечно горжусь отцом, считаю его человеком с большой буквы, бесстрашным воином, привившим мне прежде всего понятия мужества, долга и чести. Но и крутой нрав я тоже унаследовал от него — равно как и завещанную им саблю.

...В раннем детстве я страстно желал ему смерти. И эдипов комплекс тут ни при чём. Просто каждый раз, когда отец был сильно пьян, а это случалось постоянно, он не только угрожал, но и много

раз пытался на моих глазах убить мою мать. Он гонялся за ней с ножом, с кинжалом, размахивал вытащенной из ножен шашкой, целился в неё из пистолета или же прикладывал его к её виску. Я орал от ужаса, повисал на его руке, обхватывая ладошкой дуло пистолета, надеясь, что она может остановить пулю и спасти мою маму от смерти. Сколько раз до хрипоты в горле, сквозь слёзы и рыдания кричал одну и ту же фразу: “Папа! Папочка! Не убивай маму!!!” И каждый предмет в доме превращался в моём воспалённом сознании в орудие убийства, убийства любимой мной мамы — красивой, высокой, стройной, умной и любящей меня и мою маленькую сестрёнку Танюшу, читающей мне стихи и поющей песни.

Кухонные ножи, вилки, бутылки — всё могло стать в руках пьяного отца страшным оружием. Мне хотелось вынести из дома и спрятать все вещи, которыми отец мог бы воспользоваться. Но куда там! На стене висели перекрещённые кавказские кинжалы, несколько шашек и сабель, а главное — это пистолет, с которым отец никогда не расставался. Я ненавидел все праздники, дни рождения, Новый год. Потому что накануне в моей детской душе поселялись страх и тревога: а папа в этот вечер не убьёт маму?

Иногда за день или за два до начала праздника я подходил к отцу и тихим просительным голосом говорил: “Папа, а ты не убьёшь маму?” Отец, свирепо сверкнув серыми глазами, резко бросал: “Не говори глупости! Марш отсюда!” И я, понурившись, отходил. А праздничный вечер, как дурной, кошмарный сон, оканчивался теми же сценами, теми же криками: “Юля! Я убью тебя!” — “Убивай, сволочь!” — “Папочка! Папа! Не убивай! Пожалуйста, не убивай маму!”

Моя маленькая сестрёнка, проснувшись от воплей и криков, вылезала из кровати и молча, забившись в угол, сжавшись в комочек, смотрела на происходящее широко раскрытыми от ужаса голубыми глазами. Лучше бы она кричала, как я, или плакала... Потому что однажды ночью мать, подойдя к её кровати, увидела, что тельце спящей дочки дёргается и изгибается в конвульсиях.

Срочно вызванный полковой врач долго сидел у кровати, наблюдая за дёргающимся телом. Уходя, строгим голосом произнёс: “Будете в присутствии ребёнка продолжать дебоширить, ваша дочка будет выделять эти движения не только во сне, а и проснувшись. На научном языке эта болезнь называется «хорея», а в народе зовётся пляской святого Витта”.

Возникало ли у меня чувство обиды за те ужасные сцены, которые пришлось мне пережить в детстве по вине моих родителей? Нет! Обижаться на пьяные страшные дебоши, на то, что детский возраст не принимался во внимание, как было бы положено в нормальном обществе? Опять же — нет! Надо помнить, что само время, которое я описываю, тоже не было нормальным. Я рос в среде военных офицеров. Многие из них, как и мой отец, были участниками Гражданской войны, прошли всю Великую Отечественную. Сказать, что психика у большинства из них в норме, было бы неточно. Пьяные скандалы со стрельбой, увечьями, драками и бесконечными сценами ревности, выяснениями отношений были в порядке вещей.

Ну а дети? А что — дети? На них никто особо внимания не обращал, с ними не церемонились, не цацкались. “Вырастут — многое сами поймут. Мы в детстве и не такое видели и не такого насмотрелись!” Так рассуждали наши родители. Подчёркиваю, я говорю о воинской среде, и среде особой — кавалерийской. Вероятнее всего, дети моего поколения, у которых были штатские родители, росли в атмосфере, весьма отличной от нашей. И разумеется, мы — мальчишки, девчонки — поведение наших родителей не обсуждали и тем более не осуждали. Мы о них вообще не говорили. Да и о чём говорить. Отцы пили у всех, жён били, нас, пацанов, лупцевали...

Повзрослев, мы начинали осознавать, кто же были на самом деле наши отцы, рассматривали их воинские награды — а их было немало — и преисполнялись гордости за своих боевых папаш. Нам, мальчишкам послевоенного времени, многое становилось понятным. Какого отеческого тепла я вправе ожидать или требовать от моего отца, всматриваясь в трагическую судьбу шестилетне-

го кабардинца, потерявшего от рук революционеров родителей? Убийство их, произошедшее на его глазах, он будет помнить всю жизнь. Судьба привела мальчишку в Москву, вместе с другими беспризорниками он околачивался на Хитровом рынке, добывая пропитание воровством с прилавков зазевавшихся торговков. Их ловили, били, сажали в каталажку. Вызволял их из беды добрый дядя Гиляй — тот самый Гиляровский, так прекрасно описавший Москву того времени. Отец с благодарностью вспоминал своего спасителя, которого, как и в детстве, именовал дядей Гиляем. На этом же Хитровом рынке судьба свела маленького кавказца с другом его отца — белым офицером Петром Шемякиным, усыновившим сироту. И Мухамед Карданов становится Михаилом Петровичем Шемякиным. “Бог — дал, Бог — взял”. И через два года мой отец снова на Хитровом рынке среди своих старых друзей — беспризорников, поскольку приёмный отец Пётр Шемякин приговорён революционным трибуналом к расстрелу. И снова воровство хлеба из-под носа торговков, снова поимки, снова побои. Но спасает его на этот раз не дядя Гиляй, не белый офицер, а здоровенный красный кавалерист — казак Пилипенко. И вот кавалерийская бригада под командованием комбрига Георгия Константиновича Жукова пополняется девятилетним красноармейцем — Михаилом Шемякиным.

Для кабардинского мальчика верхом на коне — вещь привычная. В тринадцать лет кавалерист Шемякин дважды, будучи сам раненым, выносит на крупе своего коня из вражеского окружения раненого комбрига. И два ордена Красного Знамени под номером 7 и 13 прикрепляются к его гимнастёрке. Бурное, кровавое время Гражданской войны, конные атаки, засады, перестрелки и взятие и потеря городов, сёл, деревень. Казни, изуверства, песни, пляски — всё это тянется годами... На короткий срок банды под командованием батьки Махно соединяются с Красной армией и мой отец становится адъютантом знаменитого анархиста. Участвует в конных схватках, в попойках по случаю очередных побед и наблюдает безумства, устраиваемые бесшабашным Махно. Переодевание в женские сарафаны, платья и салопы, кружение в них

на каруселях, сопровождаемое пьяными криками, песнями, бранью и беспорядочной стрельбой в воздух и по случайным прохожим. Эта отчаянная бесшабашность сорвиголов из Гуляйполя навсегда наложила отпечаток на характер и поведение моего отца. Плевать на всё — на чины, звания, порядок, карьеру и мнения. Плевать, как и что подумают!

Достаточно посмотреть на серию работ моего учителя Александра Тышлера, рисовавшего по памяти анархистские гульбища, — “Махновщина”, — или иллюстрации к поэме Сельвинского “Уляляевщина”, где изображён кривляющийся перед зеркалом Махно, переодетый в женское платье, связанные трупы врагов — их волокут по пыльным дорогам несущиеся вскачь кони, — чтобы понять и почувствовать ту бредовую атмосферу, царящую в знаменитом Гуляйполе.

И многое для меня становится ясным и понятным. Танцы на банкетном столе в нижнем белье среди ошеломлённых гостей? Ну подумаешь! У батьки и не такое выделявали! Хорошо ли, плохо ли, но и я унаследовал отцовский похуизм. Это проявится потом в моих бурлескных хеппенингах с пьяным Кокой Кузьминским, с голыми натурщицами и переодетыми в причудливые костюмы полупьяными друзьями. В безумных попойках в кабаках с цыганами, с дебошами и драками на улицах Ленинграда, Парижа, Нью-Йорка.

Вот где гнездятся корни моих “Петербуржских карнавалов” и множества листов с гротескными образами и сюжетами.

Отец был не только настоящим джигитом, способным вытворять чудеса верховой езды и одним из немногих умевшим в конных схватках “развалить до седла” врага, но и вообще человеком страстей, с необычными интересами, переданными мне по наследству.

О некоторых расскажу. Пристальное взглядывание в лик Смерти проявилось у него в раннем возрасте... Повсюду он возил с собой и вешал на стене кабинета три чёрно-белых репродукции с картин разных художников. Одна из них изображала боготворимого отцом Наполеона I с супругой Жозефиной. Вторая — автопортрет

трет Арнольда Бёклина: художник с палитрой перед мольбертом прислушивается к мелодии, которую за его спиной играет на скрипке ослабившаяся Смерть. И третья картина, особенно поразившая меня, — знаменитый “Апофеоз войны” Василия Верещагина, на котором изображена пирамида из человеческих черепов. Это полотно напоминало отцу его юность времён Гражданской войны. На окраинах деревень он находил подобные горы черепов, и, пока другие красные кавалеристы бегали по деревне за курами и бабами, отец сидел до наступления сумерек у этой горбы черепов, брал в руки череп и старался определить, как был вычеркнут из жизни его “владелец”. Было ли это пулевое или осколочное поражение, правильно ли был нанесён сабельный удар — скользящий или прямой. Всё это должно было пригодиться в бою. Чтобы выжить, надо научиться убивать.

Пройдут десятилетия, и я буду вглядываться в десятки, сотни, тысячи черепов, изображённых на картинах, рисунках, гравюрах и скульптурах разных мастеров и эпох. И буду рисовать не один раз любимого моим отцом императора Бонапарта, буду изучать его “Максимы и мысли узника Святой Елены”. А в моём балете “Щелкунчик” появится Бонапарт в виде воинствующего крысёнка. Бёклин станет моим любимым художником, его “Автопортрет со Смертью, играющей на скрипке” и “Апофеоз войны” Верещагина будут выставляться на мною организованных выставках, посвящённых образу Смерти.

Живя в Америке, я напишу шестиметровый триптих, посвящённый трагической судьбе узников фашистских концлагерей, на котором будут изображены три громадных простреленных человеческих черепа на фоне кровавых надписей: “Бухенвальд, Дахау, Аушвиц”. Создам большую серию картин “Кёнигсбергские натюрморты” — с изуродованными войной черепами погибших солдат. Увеличу и отолью в бронзе для своего парка череп гидроцефала, на котором будет плясать и разыгрывать из себя ворона гениальный клоун Слава Полунин. Потом с моего согласия он сделает себе копию этого черепа в стеклопласте, приделает к нему с двух сторон колёса от старой телеги, присобачит деревянные

оглобли, и мы будем поражать и восхищать венецианцев, раскатывая по площади Святого Марка во время венецианского карнавала. Слава в костюме Пульчинеллы потащит этот череп в сопровождении “лицедеев”, наряженных в костюмы по моим эскизам,

